

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

UDC 343.7

LBC 67.408.121

Submitted: 25.06.2025

Accepted: 10.11.2025

OPTIMIZATION OF CRIMINAL LAW MEASURES FOR COMBATING THEFT

Alexey P. Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vyacheslav G. Ponomarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the problems of qualifying those forms of socially dangerous offences against property that are not formally prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation, but are relatively common. **The goals and objectives** of the study are to analyze the current law enforcement practice of criminal law assessment of such encroachments for its compliance with the principles of domestic criminal law and, above all, the principle of legality. The research **methods** are the general scientific methods of analysis, synthesis, a systematic approach, as well as the logical-legal method and the method of legal interpretation, which are traditional for humanitarian knowledge. As a **result**, the author states that it is impossible to qualify under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation those situations when the perpetrator seeks a ruling in his favor based on the deception of the court, as well as those situations when the perpetrator receives someone else's property as payment for the "occult and magical services" provided by him. He also justifies the inadmissibility of qualification under Art. 161, 162 of the Criminal Code of the Russian Federation of those situations when, in order to seize the victim's property, potent substances are fraudulently introduced into his body to render him helpless. **Conclusions:** in order to pre-empt new attacks against property in the form of theft that do not fall under the existing prohibitions of these forms in the current Criminal Code, the modeling of the general prohibition of theft is proposed in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: abuse of the right to judicial protection, variability of crime, fraud, deception, socially dangerous encroachment, encroachments against property, broad interpretation, form of theft.

Citation. Rozhnov A.P., Ponomarev V.G. Optimization of Criminal Law Measures for Combating Theft. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 96-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

УДК 343.7

ББК 67.408.121

Дата поступления статьи: 25.06.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Вячеслав Геннадиевич Пономарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются проблемы квалификации тех форм общественно опасных посягательств против собственности, которые формально не запрещены Уголовным кодексом РФ, но являются относительно распространенными. **Целями и задачами исследования** выступает анализ сложившейся правоприменительной практики уголовно-правовой оценки такого рода посягательств на предмет ее соответствия принципам отечественного уголовного права, и прежде всего принципу законности. **Методами** исследования являются традиционные для гуманитарного знания общенаучные методы анализа, синтеза, системный подход, а также логико-юридический метод и метод юридической интерпретации. **В результате** констатирована невозможность квалификации по ст. 159 УК РФ тех ситуаций, когда виновный добивается вынесения в его пользу правоустанавливающего решения, основанного на обмане суда, а равно и тех ситуаций, когда виновный получает чужое имущество в качестве платы за предоставляемые им «окультино-магические услуги». Обосновывается также и недопустимость квалификации по ст. 161, 162 УК РФ тех ситуаций, когда с целью завладения имуществом потерпевшего в его организм обманным путем вводятся сильнодействующие вещества для приведения в беспомощное состояние. **Выводы:** для упреждающего воздействия на новые посягательства против собственности в форме хищения, не подпадающие под существующие запреты этих форм в УК РФ 1996 г., предлагается моделирование в главе 21 УК РФ общего запрета хищения.

Ключевые слова: злоупотребление правом на судебную защиту, изменчивость преступности, мошенничество, обман, общественно опасное посягательство, посягательства против собственности, расширительное толкование, форма хищения.

Цитирование. Рожнов А. П., Пономарев В. Г. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с хищениями // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 96–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

Введение

Криминологами в качестве сущностной черты преступности выделена ее изменчивость, которая проявляет себя в нескольких направлениях [7, с. 301]. Во-первых, претерпевает изменения система тех деяний, которые уже объявлены преступными: так, например, в те или иные периоды развития государства может происходить увеличение количества одних преступлений (например, посягательств против жизни и здоровья граждан) и снижение других (рост краж и иных посягательств на чужую собственность). Во-вторых, изменчивость находит выражение в появлении новых форм общественно опасного поведения, в том числе таких, которые еще не объявлены преступными, но принципиально нуждаются в этом. Наконец, обе указанные черты, характеризующие изменчивость преступности, способны успешно сочетаться и дополнять друг друга. Особенно наглядно это раскрывается при анализе показателей тех преступлений, которые, будучи «традиционными», в системе преступности всегда составляют ее большинство. Нами имеется в виду та группа преступлений, которая согласно п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ объединяется

собирательным термином «хищение» и ее составляют преступления, ответственность за которые установлена ст. 158–162 УК РФ.

Как видно из официальных статистических данных, та часть хищений, которые именуются ненасильственными (кражи, мошенничества, присвоения и растраты – ст. 158–160 УК РФ), обнаруживает тенденцию к постепенному снижению: 1 052 626, 1 027 393, 954 303 преступления в 2022–2024 гг., соответственно. Однако внутри ненасильственных хищений такая ее форма, как мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), напротив, обнаруживает тенденцию к неуклонному стабильному росту: 343 085, 433 708 (+26,4 %), 445 690 (+2,76 %) таких преступлений были совершены в 2022–2024 гг., соответственно [16–18].

Параллельно растет, причем резкими темпами, и количество так называемых ИТ-преступлений. «Виртуализация и “цифровизация” жизнедеятельности, – замечает Я.И. Гилинский, – порождает киберпреступность, кибердевиантность и “переструктуризацию” преступности, когда преступления в цифровом мире теснят “обычную”, “уличную преступность” (street crime), “замещая” ее» [2, с. 170]. Нагляднее всего беспрецедентный рост «преступлений с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации» (именно так они именуется в статистическом учете МВД России) иллюстрируется официальными, сухими данными государственной статистики (см. таблицу) [16–18].

Вряд ли рост мошенничеств в структуре хищений можно объяснить только привлекательностью цифровых технологий, которые, конечно, получили значительное распространение, стали частью жизни каждого человека, а для преступников облегчают совершение даже так называемых традиционных преступлений, включая кражи, мошенничества и пр. Анализ практики применения различных норм об уголовной ответственности за хищения (и прежде всего ст. 159 УК РФ) позволяет заключить, что посредством расширительного толкования положений уголовного закона в части установления им преступного и наказуемого практика «приспосабливает», «адаптирует» отдельные уголовно-правовые запреты (в первую очередь ст. 159 УК РФ) к тем фактическим ситуациям, которые, во-первых, безусловно обладают достаточным уровнем общественной опасности, но тем не менее, во-вторых, формально, с точки зрения буквы закона запрещенными УК РФ не являются. Такое латентное судебное нормотворчество, однозначно невозможное в силу нормативных требований принципов уголовного права (см., например, ст. 3, 8 УК РФ, раскрывающие различные отраслевые аспекты принципа законности), нередко получает одобрение даже в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, что придает ему (нормотворчеству) дополнительную легитимацию и безусловно повышает его юридическую силу. Подобная «модель уголовно-правового противодействия преступности» является, по мнению Н.А. Лопашенко (и трудно с ученым в этом

не согласиться), недопустимой, «поскольку рамки уголовного закона расширяются не законодателем, а фактически – правоприменителем. Это судебная, но не основанная на уголовном законе, хотя по характеру – уголовно-правовая репрессия» [6, с. 254].

**Адаптация законодательных норм
об ответственности за хищения
к общественно опасным
посягательствам
против собственности,
формально не запрещенным
действующим УК РФ
(критический анализ)**

Остановимся кратко на следующих наиболее очевидных, на наш взгляд, примерах.

1. Значительное распространение в криминальной практике совершения хищений получили случаи изъятия чужого имущества путем злоупотребления правом на судебную защиту, реализуемого подачей искового прошения с последующим возбуждением гражданского дела. Фактические обстоятельства, полагаемые в основу такого иска, обычно обосновываются сфальсифицированными доказательствами, на основании которых и выносятся судом решение об удовлетворении требований этого иска. В зависимости от вида иска решением суда могут быть взысканы деньги с ответчика в пользу истца либо же за истцом может быть признано право собственности на какое-либо имущество, которого, соответственно, лишается ответчик, и т. п. Особую «популярность» такого рода злоупотребления правом на судебную защиту получили в сфере рассмотрения обособленных споров в рамках арбитражных дел о несостоятельности (банкротстве), целью которых являют-

Состояние преступности в IT-сфере за 2022–2024 годы

Календарный год наблюдения	Абсолютное число совершенных за соответствующий год IT-преступлений, в тыс.	Показатель роста (+) / спада (–) IT-преступлений по сравнению с предыдущим годом, %	Удельный вес IT-преступлений в системе всех преступлений, совершенных в РФ за соответствующий календарный год, %
2022	522,1	+0,8	26,5
2023	677,0	+29,7	34,8
2024	765,4	+13,1	40,0

ся искусственное увеличение требований конкурсных кредиторов для получения контроля за процедурой банкротства, а впоследствии имущества обанкрочивающегося предприятия.

Обман суда, используемый в качестве способа изъятия чужого имущества, квалифицируется на практике по ч. 1 или 3 ст. 303 и соответствующей части ст. 159 УК РФ. Причем практика квалификации таких хищений достаточно единообразна и стабильна. Определенную легитимность придают ей и разъяснения Верховного Суда РФ в постановлении его Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [12], которые, во-первых, адресатом обмана при мошенничестве называют наряду с владельцем имущества также и «иное лицо» (п. 1–3) и, во-вторых, одним из вариантов окончания мошенничества указывают день вступления в силу принятого уполномоченным органом «правоустанавливающего решения» (п. 6). Указанная тенденция судебной оценки данной разновидности хищения по ст. 159 УК РФ получила одобрение и у части современных отечественных криминалистов [9; 20, с. 29].

Приведенное понимание адресата обмана при мошенничестве «размывает» границы данного состава, ведет к необоснованному их расширению и делает этот состав по сути «резиновым». Так, вследствие того, что адресатом обмана при мошенничестве и доктрина, и практика всегда признавали только владельца имущества [1, с. 30–31; 4, с. 89], объективная сторона данной формы хищения состоит в передаче имущества преступнику по воле самого владельца, то есть лица, у которого есть указанные в п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса РФ правомочия, включая и правомочие распоряжения принадлежащим ему имуществом, определения его юридической судьбы [5, с. 124]. Однако воля владельца на передачу имущества преступнику оказывается псевдодобровольной из-за того, что она сформирована под воздействием обмана.

У юрисдикционного органа (суда) нет полномочий собственника, предусмотренных п. 1 ст. 209 ГК РФ. Его возможности определять юридическую судьбу того или иного имущества производны от особой конституционной функции – разрешать в процессуальной

форме систематически возникающие в обществе ситуации конфликтного характера для защиты установленного правопорядка и утверждения социальной справедливости (правосудия) [13, с. 88–90]. И, наконец, при обмане суда воля владельца имущества, выступающего ответчиком в споре, не искажается – данная воля не формируется у него в принципе, так как он не желает передавать преступнику имущество, активно, как правило, против этого возражает, ввиду чего описанная ситуация скорее укладывается в рамки ненасильственного грабежа (ст. 161 УК РФ), но не мошенничества.

2. На фоне коренных социальных, политических, экономических преобразований российского общества конца XX в., после десятилетий предсказуемости развития государства большинство населения страны за короткое время оказалось за чертой бедности и было вынуждено выживать. И в условиях развалившейся системы соцзащиты, здравоохранения, потерянной идеологии вмиг оставшийся наедине со своими проблемами рядовой обыватель стал искать нетрадиционные способы их решения. Поэтому вполне закономерно появление в этот период различного рода гадалок, астрологов, магов, колдунов, экстрасенсов, знахарей, народных целителей, ясновидящих и т. п. субъектов, заместивших собой советское государство с его органами здравоохранения и социальной защиты.

В принципе, отъем денег у населения под видом применения паранормальных способностей всегда оценивался как мошенничество (по ст. 159 действующего УК РФ либо по ст. 147 утратившего силу УК РСФСР 1960 г.), а занимающиеся «шулерством» преступники составляли так называемый традиционный тип личности мошенника [8, с. 20]. Однако является ли применяемый продавцами оккультно-магических услуг обман обманом в правовом смысле этого слова, способом совершения мошенничества, его конструктивным признаком, предусмотренным ч. 1 ст. 159 УК РФ? Детально исследовавший данное явление Р.А. Сабитов утвердительно отвечает на этот вопрос, относя к разновидностям обмана, предусмотренным УК и КоАП РФ, «ложь, клевету, провокацию, манипулирование, симуляцию, использование или представление поддельных документов, сбыт

поддельных денег, ценных бумаг, платежных карт, акцизных марок и другие обманные действия» [14, с. 62].

Приведенная широкая трактовка обмана представляется нам неправильной, ибо она уничтожает его самобытность как психолого-юридического феномена. При таком понимании обман утрачивает свою определенность. Кроме того, отнесение к обману лжи, клеветы, манипулирования и др. противоречит определению обмана, сформулированному тем же автором как «способ воздействия на человеческую психику, который состоит в умышленном введении в заблуждение другого лица или поддержании имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации и (или) несообщения о различных фактах, вещах, явлениях, событиях, действиях с целью склонить это лицо к определенному поведению» [14, с. 62].

Как нам представляется, информация, составляющая сущность обмана, которую сообщает потерпевшему или скрывает от него преступник, должна быть объективно проверяемой. В связи с этим следует поддержать М.Н. Шипунову, которая пределы преступного обмана увязывает (в числе прочего) с содержанием распространяемой информации, почему, по ее мнению, «невозможен обман в оценочных суждениях и явлениях, в отношении которых отсутствует мерило достоверности» [19, с. 10]. Таким образом, не может составлять содержание мошеннического обмана информация, ложность, нелепость, странность которой очевидна уже в самый момент ее передачи адресату.

При рекламировании и предложении своих «окультино-магических услуг» шулер («колдун», «волшебник», «маг», «экстрасенс» и т. п.) эксплуатирует невежество потерпевшего, с одной стороны, а с другой – его особое психологическое состояние (подавленность, разочарование, депрессия, удрученность), порожденное сложившейся с участием потерпевшего тяжелой жизненной ситуацией (тяжелое заболевание, не излеченное средствами традиционной медицины, смерть близких, серия жизненных неудач – потеря работы, распад семьи и т. д.). Данные особенности «потребителя» оккультных услуг пограничны с пороками воли, обуславливаемыми либо не-

совершеннолетним возрастом, либо расстройством душевной деятельности.

3. Следующим примером расширительного толкования уже других уголовно-правовых запретов из группы хищений в главе 21 УК РФ (ст. 161, 162) является указание Пленума Верховного Суда РФ, данное в абзаце пятом п. 23 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [11], о необходимости квалификации как разбоя той ситуации, когда в целях хищения имущества в организм потерпевшего для приведения его в беспомощное состояние обманом вводится опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество. Если же используемое для хищения вещество, вводимое обманом в организм потерпевшего, не представляет опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием.

Где же в описанной Пленумом ситуации наблюдаются нападение и насилие, опасное для жизни или здоровья (угроза его применения), являющиеся конструктивными объективными признаками разбоя (ч. 1 ст. 162), либо же только насилие, пусть и не опасное для жизни или здоровья (либо угроза применения такового), свойственное квалифицированному грабежу (п. «г» ч. 2 ст. 161)? Думается, ничего общего ни с насилием, ни с нападением обман, используемый преступником для введения в организм потерпевшего описанных выше веществ, не имеет хотя бы потому, что в других руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ нападение определяется как «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения» (абзац первый п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 [10]). В свою очередь, физическое насилие – это применение преступником своей или чужой физической силы (воздействие на тело потерпевшего или собственной мускульной силы, или же различных предметов (палка, кастет), или же с привлечением животных, мускульной силы других лиц (невменяемых, малолетних и пр.)) [15].

Таким образом, приведенные разъяснения Пленума основываются на таком толковании понятий насилия и нападения, которое расширяет их смысловое поле, включая в него также и обманный способ влияния на потерпевшего для доведения его до беспомощности.

**Оценка
сложившихся стандартов
квалификации
отдельных посягательств
против собственности,
формально не запрещенных
действующим УК РФ**

Осмелимся предположить, что в будущем прецедентов судебного «приспособления» существующих в УК запретов хищений к новым криминальным реалиям страны будет еще больше. И приведенные выше примеры – далеко не последние и отнюдь не единственные. Это связано с традиционно-высоким удельным весом хищений в структуре существующей преступности в Российской Федерации, с беспрецедентно быстрым развитием научно-технического прогресса, «виртуализацией» и «цифровизацией» всех сторон жизни человека, перемещением самой этой жизни в интернет-пространство. И, думается, не стоит питать иллюзий насчет того, что федеральный законодатель в будущем будет если и не упреждать (что объективно невозможно), то хотя бы оперативно реагировать путем дополнения УК РФ на появление новых общественно опасных форм хищений, формально не запрещенных действующим законом. Закономерен вопрос: а каков же выход из такой ситуации?

Безусловно, не может быть удовлетворительным решением этой проблемы «приспособление» уголовного закона к изменяющимся внешним условиям социальной жизни, когда, по сути, в отсутствие запретов тех или иных форм общественно опасного поведения под видом истолкования имеющихся норм УК РФ (а то и откровенного применения положений Особенной части УК по аналогии) происходит правоприменительная криминализация такого поведения.

Выводы

Как нам представляется, учитывая динамику и распространенность хищений, ответственность за хищения должна быть унифицирована на законодательном уровне. Унификация в праве определяется исследователями как «способ совершенствования содержания и формы права, сведение их к чему-либо единому» [3, с. 54]. Методами же осуществления унификации, в основе которой лежит новый уровень обобщения, типизации, нормативного абстрагирования и т. п., являются «формирование правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения», «установление единой регламентации наиболее общих оснований возникновения правоотношений, единых методов и принципов правового регулирования данных общественных отношений» [3, с. 161]. Данная унификация применительно к анализируемой нами проблематике должна быть достигнута путем создания в главе 21 УК РФ общего запрета хищения (без дифференциации его форм). В диспозиции соответствующей статьи должно быть дано общее определение понятия хищения, распространяющееся на все его формы (ст. 158–162 УК РФ), из главы 21, которое должно быть перенесено из п. 1 примечаний к ст. 158. Соответственно, такая общая норма должна применяться для привлечения к уголовной ответственности за те хищения, которые не будут охватываться признаками уже запрещенных уголовным законом форм, но тем не менее будут соответствовать родовому (общему) понятию хищения.

Средствами дифференциации ответственности за хищение вообще в предлагаемой нами общей норме могут выступить уже известные квалифицирующие обстоятельства, использованные законодателем при моделировании в УК РФ норм об ответственности за «традиционные» формы данного посягательства: совершение преступления группой лиц (той или иной ее разновидности); использование служебного положения; значительный, крупный и особо крупный размер. Представляется целесообразным осуществлять дифференциацию предлагаемой ответственности за хищение и с помощью такого сравнительно молодого для отечественного УК РФ квали-

фицирующего признака, как использование для совершения преступления информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзенков, Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации) / Г. Н. Борзенков. – М. : Юрид. лит., 1971. – 168 с.
2. Гилинский, Я. И. Неокриминология. Криминология постмодерна / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алетейя, 2025. – 278 с.
3. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 312 с.
4. Лесняк, В. И. Объективные признаки мошенничества / В. И. Лесняк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – № 1 (7). – С. 85–91.
5. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
6. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 400 с.
7. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учеб. для магистров. В 2 т. Т. 1. Общая часть / В. В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2012. – 1003 с.
8. Окружко, В. Ю. Современное мошенничество: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Окружко Виктория Юрьевна. – Ростов н/Д, 2009. – 28 с.
9. Петров, С. А. Обман суда как способ мошенничества / С. А. Петров // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 40–43.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандализм» // Российская газета. – 1997. – № 1.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 6 февраля 2007 г. № 7, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 3 марта 2015 г. № 9, от 24 мая 2016 г. № 23, от 16 мая 2017 г. № 17, от 29 июня 2021 г. № 22, от 15 декабря 2022 г. № 38). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 29 июня 2021 г. № 22, от 15 декабря 2022 г.

№ 38) // Российская газета. – 2017. – № 280; 2021. – № 159; 2022. – № 38.

13. Ржевский, В. А. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М. : Юрист, 1998. – 216 с.
14. Сабитов, Р. А. Противоправные обманы : монография / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 520 с.
15. Симонов, В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Симонов Владимир Иванович. – Свердловск, 1972. – 25 с.
16. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677>
17. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>
18. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328>
19. Шипунова, М. Н. Обман как уголовно-правовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шипунова Марина Николаевна. – Краснодар, 2024. – 23 с.
20. Яни, П. С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда / П. С. Яни // Законность. – 2024. – № 2. – С. 26–30.

REFERENCES

1. Borzenkov G.N. *Otvetstvennost za moshennichestvo (voprosy kvalifikacii)* [Responsibility for Fraud (Qualification Issues)]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1971. 168 p.
2. Gilinskij Ja.I. *Neokriminologija. Kriminologija postmoderna* [Neocriminology. Postmodern Criminology]. Saint Petersburg, Aleteja Publ., 2025. 278 p.
3. Kruglikov L.L., Spiridonova L.E. *Unifikacija v ugovnom prave* [Unification in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. centr Press Publ., 2008. 312 p.
4. Lesnjak V.I. *Objektivnye priznaki moshennichestva* [Objective aspects of fraud]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2004, no. 1 (7), pp. 85–91.
5. Lopashenko N.A. *Prestuplenija v sfere ekonomiki: avtorskij kommentarij k ugovnomu zakonu (razdel VIII UK RF)* [Economic crimes: a commentary on criminal law (Section 8 of the Criminal Code)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 720 p.
6. Lopashenko N.A. *Razмышlenija ob ugovnom prave. Ugovnoe pravo. Ugovnaja otvetstvennost. Ugovnaja politika. Avtorskij kurs: monografija*

[Thoughts on Criminal Law. Criminal Law. Criminal Responsibility. Criminal Law Policies. Original Course. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2019. 400 p.

7. Luneev V.V. *Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: ucheb. dlja magistrrov. V 2 t. T. 1. Obshhaja chast* [Global and Russian Criminology: a Textbook for Master's Studies. In 2 Vols. Vol. 1. General Part]. Moscow, Jurajt Publ., 2012. 1003 p.

8. Okruzhko V.Ju. *Sovremennoe moshennichestvo: kriminologicheskaja karakteristika i preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Present-Day Fraud: Criminological Aspects and Prevention. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 28 p.

9. Petrov S.A. *Obman suda kak sposob moshennichestva* [Deception of Court as a Type of Fraud]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, no. 6, pp. 40-43.

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 janvarja 1997 g. № 1 «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za banditizm» [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of January 17, 1997 No. 1 "On Court Practice of Applying Legislation on Responsibility for Organized Crime"]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette], 1997, no. 1.

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 27 dekabrja 2002 g. № 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboje» (v redakcii postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 6 fevralja 2007 g. № 7, ot 23 dekabrja 2010 g. № 31, ot 3 marta 2015 g. № 9, ot 24 maja 2016 g. № 23, ot 16 maja 2017 g. № 17, ot 29 ijunja 2021 g. № 22, ot 15 dekabrja 2022 g. № 38) [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On Court Practice on Cases of Theft, Robbery, and Robbery Assault" (As Amended by Rulings of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of February 6, 2007 No. 7, of December 23, 2010 No. 31, of March 3, 2015 No. 9, of May 24, 2016 No. 23, of May 16, 2017 No. 17, of June 29, 2021 No. 22, of December 15, 2022 No. 38)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30 nojabrja 2017 g. № 48 «O sudebnoj praktike po

delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate» (v redakcii postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 ijunja 2021 g. № 22, ot 15 dekabrja 2022 g. № 38) [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017, No. 48 "On Court Practice on Cases of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement" (As Amended by Rulings of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2021, No. 22, of December 15, 2022, No. 38)]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette], 2017, no. 280; 2021, no. 159; 2022, no. 38.

13. Rzhetskij V.A., Chepurnova N.M. *Sudebnaja vlast v Rossijskoj Federacii: konstitucionnye osnovy organizacii i dejatel'nosti* [Judicial Power in the Russian Federation: Constitutional Foundations of Its Organization and Activities]. Moscow, Jurist Publ., 1998. 216 p.

14. Sabitov R.A. *Protivopravnye obmany: monografija* [Unlawful Deception. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2024. 520 p.

15. Simonov V.I. *Ugolovno-pravovaja karakteristika fizicheskogo nasilija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Law Characteristics of Physical Violence. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Sverdlovsk, 1972. 25 p.

16. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2022 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2022)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677>

17. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2023 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2023)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>

18. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2023 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2024)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328>.

19. Shipunova M.N. *Obman kak ugolovno-pravovoj fenomen: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Deception as a Criminal Law Phenomenon. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2024. 23 p.

20. Jani P.S. *Voprosy kvalifikacii moshennicheskogo obmana suda* [Qualification Issues of Fraudulent Deception of Court]. *Zakonnost* [Legality], 2024, no. 2, pp. 26-30.

Information About the Authors

Alexey P. Rozhnov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Vyacheslav G. Ponomarev, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>

Информация об авторах

Алексей Петрович Рожнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Вячеслав Геннадиевич Пономарев, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>